

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТОН ЧЕХОВ

Рассказы. Повести. Пьесы

Антон Павлович Чехов

Пьяные
(Рассказы)

Антон Павлович Чехов
Пьяные

Фабрикант Фролов, красивый брюнет с круглой бородкой и с мягким, бархатным выражением глаз, и его поверенный, адвокат Альмер, пожилой мужчина, с большой жесткой головой, кутили в одной из общих зал загородного ресторана. Оба они приехали в ресторан прямо с бала, а потому были во фраках и в белых галстуках. Кроме них и лакеев у дверей, в зале не было ни души: по приказанию Фролова никого не впускали.

Начали с того, что выпили по большой рюмке водки и закусили устрицами.

– Хорошо! – сказал Альмер. – Это, брат, я пустил в моду устрицами закусывать. От водки пожжет, подерет тебе в горле, а как проглотишь устрицу, в горле чувствуешь сладострастие. Не правда ли?

Солидный лакей с бритыми усами и с седыми бакенами поставил на стол соусник.

– Что это ты подаешь? – спросил Фролов.

– Соус провансаль для селедки-с...

– Что? Разве так подают? – крикнул фабрикант, не поглядев в соусник. – Разве это соус? Подавать не умеешь, болван!

Бархатные глаза Фролова вспыхнули. Он

обмотал вокруг пальца угол скатерти, сделал легкое движение, и закуски, подсвечники, бутылки – всё со звоном и с визгом загремело на пол.

Лакеи, давно уже привыкшие к кабацким катастрофам, подбежали к столу и серьезно, хладнокровно, как хирурги во время операции, стали подбирать осколки.

– Как это ты хорошо умеешь с ними, – сказал Альмер и засмеялся. – Но... отойди немножко от стола, а то в икру наступишь.

– Позвать сюда инженера! – крикнул Фролов.

Инженером назывался дряхлый, кислородный старик, в самом деле бывший когда-то инженером и богатым человеком; он промотал всё свое состояние и под конец жизни попал в ресторан, где управлял лакеями и певицами и исполнял разные поручения по части женского пола. Явившись на зов, он почти-тительно склонил голову набок.

– Послушай, любезный, – обратился к нему Фролов, – что это за беспорядки? Как они у тебя подаются? Разве ты не знаешь, что я этого не люблю? Чёрт вас подери, я перестану к вам

ездить!

– Прошу великодушно извинить, Алексей Семеныч! – сказал инженер, прижимая руку к сердцу. – Я немедленно приму меры, и все ваши малейшие желания будут исполняемы самым лучшим и скорым образом.

– Ну, ладно, ступай...

Инженер поклонился, попятился назад, всё в наклонном положении, и исчез за дверью, сверкнув в последний раз своими фальшивыми брильянтами на сорочке и пальцах.

Закусочный стол опять был накрыт. Альмер пил красное, с аппетитом ел какую-то птицу с трюфелями и заказал себе еще матлот из налимов и стерлядку кольчиком. Фролов пил одну водку и закусывал хлебом. Он мял ладонями лицо, хмурился, пыхтел и, видимо, был не в духе. Оба молчали. Было тихо. Два электрических фонаря в матовых колпаках мелькали и сипели, точно сердились. За дверями, тихо подпевая, проходили цыганки.

– Пьешь и никакой веселости, – сказал Фролов. – Чем больше в себя вливаю, тем становлюсь трезвее. Другие веселеют от водки, а у меня злорадия, противные мысли, бессонница.

Отчего это, брат, люди, кроме пьянства и беспутства, не придумают другого какого-нибудь удовольствия? Противно ведь!

– А ты цыганок позови.

– Ну их!

В дверях из коридора показалась голова старухи цыганки.

– Алексей Семеныч, цыгане просят чаю и коньяку, – сказала старуха. – Можно потребовать?

– Можно! – ответил Фролов. – Ты знаешь, ведь они с хозяина ресторана проценты берут за то, что требуют с гостей угощения. Нынче нельзя верить даже тому, кто на водку просит. Народ всё низкий, подлый, избалованный. Взять хоть этих вот лакеев. Физиономии, как у профессоров, седые, по двести рублей в месяц добывают, своими домами живут, дочек в гимназиях обучают, но ты можешь ругаться и тон задавать, сколько угодно. Инженер за целковый слопаёт тебе банку горчицы и петухом пропоёт. Честное слово, если б хоть один обиделся, я бы ему тысячу рублей подарил!

– Что с тобой? – спросил Альмер, глядя на

него с удивлением. – Откуда эта меланхолия? Ты красный, зверем смотришь... Что с тобой?

– Скверно. Штука одна в голове сидит. Засела гвоздем, и ничем ее оттуда не выковырять.

В залу вошел маленький, кругленький, заплывший жиром старик, совсем лысый и облезлый, в кургузом пиджаке, в лиловой жилетке и с гитарой. Он состроил идиотское лицо и вытянулся, сделав под козырек, как солдат.

– А, паразит! – сказал Фролов. – Вот рекомендую: состояние нажил тем, что свиньей хрюкал. Подойди-ка сюда!

Фабрикант налил в стакан водки, вина, коньяку, насыпал соли и перцу, смешал всё это и подал паразиту. Тот выпил и ухарски крякнул.

– Он привык бурду пить, так что его от чистого вина мутит, – сказал Фролов. – Ну, паразит, садись и попей.

Паразит сел, потрогал жирными пальцами струны и запел:

Нитка-нитка, Маргаритка...

Выпив шампанского, Фролов опьянел. Он

стукнул кулаком по столу и сказал:

– Да, штука в голове сидит! Ни на минуту покоя не дает!

– Да в чем дело?

– Не могу сказать. Секрет. Это у меня такая тайна, которую я только в молитвах могу говорить. Впрочем, если хочешь, по-дружески, между нами... только ты смотри, никому – ни-ни-ни... Я тебе выскажу, мне легче станет, но ты... ради бога выслушай и забудь...

Фролов нагнулся к Альмеру и полминуты дышал ему в ухо.

– Жену свою ненавижу! – проговорил он.

Адвокат поглядел на него с удивлением.

– Да, да, жену свою, Марию Михайловну, – забормотал Фролов, краснея. – Ненавижу, и всё тут.

– За что же?

– Сам не понимаю! Женат только два года, женился, сам знаешь, по любви, а теперь ненавижу ее уже, как врага постылого, как этого самого, извини, паразита. И причин ведь нет, никаких причин! Когда она около меня сидит, ест или если говорит что, то вся душа моя кипит, сдержатъ себя едва могу,

чтобы не сгрубить ей. Просто такое делается, что и сказать нельзя. Уйти от нее или сказать ей правду никак невозможно, потому что скандал, а жить с ней для меня хуже ада. Не могу сидеть дома! Так, днем всё по делам да по ресторанам, а ночью по вертепам путаюсь. Ну, чем эту ненависть объяснишь? Ведь не какая-нибудь, а красавица, умная, тихая.

Паразит топнул ногой и запел:

*С офицером я ходила,
С ним секреты говорила...*

– Признаться, мне всегда казалось, что Марья Михайловна тебе совсем не пара, – сказал Альмер после некоторого молчания и вздохнул.

– Скажешь, образованная? Послушай... Сам я в коммерческом с золотой медалью кончил, раза три в Париже был. Я не умнее тебя, конечно, но не глупее жены. Нет, брат, не в образовании загвоздка! Ты послушай, с чего началась-то вся эта музыка. Началось с того, что стало мне вдруг казаться, что вышла она не по любви, а ради богатства. Засела мне эта мысль в башку. Уж я и так и этак – сидит, про-

клятая! А тут еще жену жадность одолела. После бедности-то попала она в золотой мешок и давай сорить направо и налево. Ошалела, забылась до такой степени, что каждый месяц по двадцати тысяч раскидывала. А я мнительный человек. Никому я не верю, всех подозреваю, и чем ты ласковей со мной, тем мне мучительнее. Всё мне кажется, что мне льстят из-за денег. Никому не верю! Тяжелый я, брат, человек, очень тяжелый!

Фролов выпил залпом стакан вина и продолжал:

– Впрочем, всё это чепуха, – сказал он. – Об этом никогда не следует говорить. Глупо. Я спьяна проболтался, а ты на меня теперь адвокатскими глазами глядишь – рад, что чужую тайну узнал. Ну, ну... оставим этот разговор. Будем пить! Послушай, – обратился он к лакею, – у вас Мустафа? Позови его сюда!

Немного погодя в залу вошел маленький татарчонок, лет двенадцати, во фраке и в белых перчатках.

– Поди сюда! – сказал ему Фролов. – Объясняй нам следующий факт. Было время, когда вы, татары, владели нами и брали с нас дань,

а теперь вы у русских в лакеях служите и халаты продаете. Чем объяснить такую перемену?

Мустафа поднял вверх брови и сказал тонким голосом, нараспев:

– Превратность судьбы!

Альмер поглядел на его серьезное лицо и покатился со смеха.

– Ну, дай ему рубль! – сказал Фролов. – Этой превратностью судьбы он капитал наживает. Только из-за этих двух слов его и держат тут. Выпей, Мустафа! Бо-ольшой из тебя подлец выйдет! То есть страсть сколько вашего брата, паразитов, около богатого человека трется. Сколько вас, мирных разбойников и грабителей, развелось – ни проехать, ни пройти! Нешто еще цыган позвать? А? Вали сюда цыган!

Цыгане, давно уже томившиеся в коридорах, с гиканьем ворвались в залу, и начался дикий разгул.

– Пейте! – кричал им Фролов. – Пей, фараоново племя! Пойте! И-и-х!

Зимнею порою... и-и-х!.. саночки летели...

Цыгане пели, свистали, плясали... В ис-

ступлении, которое иногда овладевает очень богатыми, избалованными «широкими натурами», Фролов стал дурить. Он велел подать цыганам ужин и шампанского, разбил матовый колпак у фонаря, швырял бутылками в картины и зеркала, и всё это, видимо, без всякого удовольствия, хмурясь и раздраженно прикрикивая, с презрением к людям, с выражением ненавистничества в глазах и в манерах. Он заставлял инженера петь solo, поил басов смесью вина, водки и масла...

В шесть часов ему подали счет.

– 925 руб. 40 коп.! – сказал Альмер и пожал плечами. – За что это? Нет, постой, надо проверить!

– Оставь! – забормотал Фролов, вытаскивая бумажник. – Ну... пусть грабят... На то я и богатый, чтоб меня грабили... Без паразитов... нельзя... Ты у меня поверенный... шесть тысяч в год берешь, а... а за что? Впрочем, извини... я сам не знаю, что говорю.

Возвращаясь с Альмером домой, Фролов бормотал:

– Ехать домой мне – это ужасно! Да... Нет у меня человека, которому я мог бы душу свою

открыть... Всё грабители... предатели... Ну, зачем я тебе свою тайну рассказал? За... зачем? Скажи: зачем?

У подъезда своего дома он потянулся к Альмеру и, пошатываясь, поцеловал его в губы, по старой московской привычке – целоваться без разбора, при всяком случае.

– Прощай... Тяжелый, скверный я человек, – сказал он. – Нехорошая, пьяная, бесстыдная жизнь. Ты образованный, умный человек, а только усмехаешься и пьешь со мной, ни... никакой помощи от всех вас... А ты бы, если ты мне друг, если ты честный человек, по-настоящему, должен был бы сказать: «Эх, подлый, скверный ты человек! Гадина ты!»

– Ну, ну... – забормотал Альмер. – Иди спать.

– Никакой помощи от вас. Только и надежды, что вот, когда летом буду на даче, выйду в поле, а надвинет гроза, ударит гром и разразит меня на месте... Про... прощай...

Фролов еще раз поцеловался с Альмером и, засыпая на ходу, бормоча, поддерживаемый двумя лакеями, стал подниматься по лестнице.

це.